

Марксизм в Стране чудес

Размышляя над книгой Энди Мери菲尔да
«Магический марксизм»

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

Марксизм в Стране чудес. Размышляя над книгой Энди Мери菲尔да «Магический марксизм»
Marxism in Wonderland. Reflections on Andy Merrifield's book "Magical Marxism"

Аннотация. Рассмотрена книга Энди Мери菲尔да «Магический марксизм. Субверсивная политика и воображение». По мнению Мери菲尔да, кризис современного марксизма заключается в излишнем рационализме и «негативности». Поэтому он обращается к «теплому» утопическому воображению, мистике (mística), «воинствующему оптимизму» и «магии» как «состоянию живого чувства». Однако такой спекулятивный призыв лишь дискредитирует марксизм, лишая его научных оснований. Современному марксизму не хватает не «магии» и общих философских рассуждений, а детального проекта посткапиталистического будущего, подкрепленного обширными научно-техническими знаниями.

Annotation. The article discusses Andy Merrifield's book "Magic Marxism. Subversive Politics and the Imagination". According to Merrifield, the crisis of modern Marxism lies in excessive rationalism and "negativity". Therefore, he refers to the "warm" utopian imagination, mystica (mística), "militant optimism" and "magic" as "a spontaneous overflow of powerful feelings". However, such a speculative call for "magic" only discredits Marxism, depriving it of scientific grounds. Modern Marxism lacks not "magic" and general philosophical reasoning, but a detailed project of the post-capitalist future, supported by extensive scientific and technical knowledge.

Ключевые слова. Посткапитализм, марксизм, анархизм, коммунизм, неолиберализм, капитализм, революция.

Key words. Post-capitalism, Marxism, anarchism, communism, neoliberalism, capitalism, revolution.

Как можно одним словом охарактеризовать современный марксизм (пусть даже как совокупность разных марксизмов)? Лучше всего для этого подойдет слово «тупик» (другое слово, которое приходит на ум, — «замешательство»).

Поводов для недовольства капитализмом сегодня предостаточно, но у современного марксизма нет никаких убедительных альтернатив капитализму. В марксистской литературе сегодня не отыскать хотя бы примерно-го описания того, как реально могла бы функционировать посткапиталистическая экономика при соответствующей не-буржуазной «надстройке» (смелость и «антибуржуазность» прогнозов обратно коррелирует со степенью их детализации). Как правило, дело ограничивается острой критикой существующего положения дел, плавно переходящей к призыву бороться за другое будущее, представляемое лишь в общих чертах (за равенство,

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат политических наук.

справедливость, против отчуждения и т. д.).

Но это только полбеда: нет и того социального субъекта, который был бы хорошим кандидатом на место растворившегося в постиндустриальном небытии рабочего класса. Наблюдается лишь умножение различных «страдающих» групп (от прекариата до многочисленных жертв господства белых мужчин), а также идеологий, предъявляющих (на словах) претензии капитализму, но все чаще — друг другу.

Разве есть взаимопонимание между «классическими» левыми, акцентирующими внимание на проблеме экономического неравенства, и «новыми левыми» — сторонниками Джо Байдена, которые в своем «пробужденном» (woke) порыве превратили марксизм (тут от него осталось одно название) в борьбу за признание 50 вариантов гендера, за право мужчины, принимающего женские гормоны, соревноваться с женщинами в тяжелой атлетике на Олимпийских играх и за прочие инициативы «безумной толпы»? [4; 11].

Более того, мы наблюдаем парадоксальную ситуацию, когда правые оказываются левее «левых», а те, кто называют себя левыми, действуют в интересах «просвещенных» элит при поддержке всепроникающей цензуры Big Tech [9] («Архипелаг Гуглаг» — хорошее название для книги, изобличающей громкие случаи цензуры, которой подвергаются в США консерваторы со стороны «новых левых» [10]).

«Марксизм» в итоге становится идеологией, бьющей по интересам... рабочего класса (причем здесь речь идет уже именно о *белом рабочем классе* как уязвимой в социально-экономическом смысле прослойке, что вдвойне удивительно в контексте «прогрессивной» критики «привилегий белых» [12]). Разве Дональд Трамп, говорящий на одном языке с простыми жителями американской глубинки, не является более «левым», чем якобы левые сторонники «зеленой экономики», чья активность, как показала практика, может бить по карманам бедных слоев населения (например, история

Мерифилд Э. Магический марксизм.
Субверсивная политика
и воображение.
М. : Ад Маргинем Пресс, 2021. 280 с.

¹ Один из примеров «безумия толпы» — увольнение и последующая травля в 2017 г. Сундара Пичаи, одного из сотрудников Google, за то, что он привел научные данные, объясняющие преобладание мужчин в STEM (Science, Technology, Engineering and Mathematics) большей к тому природной склонностью.

с ценами на газ на мировых рынках осенью 2021 г.) или тех, кто занят в добывающих отраслях промышленности? (А ведь есть еще многочисленные сторонники «нулевого роста» и «посттрудового общества».)

Когда консервативный писатель Джордан Питерсон на дебатах, превратившихся в мировое шоу, спросил знаменитого левого философа Славоя Жижека о том, какова реальная альтернатива капитализму, тот не нашел ничего лучше, чем просто уйти от ответа, а также посетовать на свой пессимизм и недоверие к политике идентичности.

Это далеко не все парадоксы и аспекты марксистского «тупика».

Чем не хороший момент для того, чтобы главных левых философов обозвать «дураками, мошенниками и поджигателями» и даже написать об этом книгу-бестселлер [6]? Однако надежда умирает последней.

В конце концов, системный кризис капитализма налицо. Поэтому любая работа, в которой ключевым является слово «марксизм», сегодня ментально привлекает внимание. Такова и книга Энди Мерифилда «Магический марксизм. Субверсивная политика и воображение», написанная в 2011 г. и вышедшая на русском языке спустя десятилетие, осенью 2021-го [3]. Предлагает ли автор этой книги какие-то рецепты, которые позволили бы марксизму найти себя в этом динамично меняющемся мире?

Анархистская «магия» под брендом марксизма

Начать можно с краткого ответа: нет.

Нет, — поскольку эта книга не о марксизме.

Точнее, в мыслях, изложенных Мерифилдом, не имеется сущностных черт, отличающих марксизм от анархизма, в том числе признания важной роли государства как инструмента построения посткапиталистических общественных отношений как «неизбежного зла», к которому попросту необходимо прибегнуть (либо путем демократических реформ, либо путем «диктатуры пролетариата» или чего-то подобного).

Кроме оригинальных весьма неоднозначных мыслей про марксистскую «магию», мы увидим в данной книге лишь трендовый для левой политической мысли анархизм с признаками локализма (анархо-локализм [1]). Мерифилд и сам признает, что «между анархизмом и марксизмом нет существенных различий, которые бы мешали поставить между ними знак равенства» [3. С. 103]. Если такова его позиция, то неясно: а зачем вообще было включать в название книги слово «марксизм»? По всей видимости, фигура Маркса имеет какую-то особую притягательную силу, энергетику, «магию», — ведь именно о последней говорится в книге. Что, если марксизм должен слиться с анархизмом, чтобы выжить?

Для ответа на данный вопрос последуем за логикой Мерифилда.

Итак, что такое «магический марксизм»? Мерифилд начинает с констатации кризиса марксизма и ослабления силы организованных рабочих.

«Общество спектакля» (Ги Дебор) уничтожило политику как место, где люди могли бы обсуждать касающиеся их события. Большинство подчиняется манипуляциям технократов, «приручивших» недовольных, заставивших их утратить веру в другое будущее, т. к. «общество спектакля, в котором мы живем сегодня, — это не столько смутный мир фетишизированных социальных отношений, сколько общество открыто рекламируемых образов, излучаемых везде и всегда» [3. С. 72].

Марксизм, со своей стороны, якобы слишком увлекся критикой капитализма (излишне технической и экономической), стал пессимистичным, склонным «смотреть на мир с плохой стороны» [3. С. 15]. В принципе это закономерное описание «марксистского тупика», когда просвещенные круги утратили доверие к коммунистическим метанарративам, а борьба левых сводится к хаотичному отступлению (в разные стороны) перед продолжающимся натиском неолиберализма.

Вероятно, именно поэтому потребовалась «магия». Суть проста: если все попытки левых радикально изменить общество, не доводя его до катастрофы, оказались тщетными, а вместо всеобщей борьбы против капитализма наблюдаются лишь локальные разнонаправленные вспышки недовольства, значит, нужно «отойти» от реальности; если сухое рациональное познание ничего не дает, значит, поможет нечто выходящее за его рамки — нечто иррациональное, эмоциональное, экспрессивное. «Больше, чем когда-либо еще, мы нуждаемся не только в новой политике, — пишет Мерифилд, — но в новой политике с оттенком магии, замешенной на новой радикальной фантазии, в новом эликсире, в котором были бы заново смешаны наши критические понятия, который бы нас пьянил, заставлял мечтать о невообразимом, выводил за рамки реальности, за рамки общепринятых правил и логики, мечтать о политике, которая играет по своим правилам, имеющим мало общего с рационализмом и экономическим мышлением» [3. С. 35].

Это походит на попытку прикрыться фиговым листком: нам больше нечего сказать, мы дискредитированы, наша наука может только критиковать, поэтому стоит отойти от эмпирической конкретики, превратить политическую борьбу в практики «субверсии» («подрыва») «общества спектакля» в трансоподобном состоянии ума. Иными словами, логика здесь очень похожа на логику тех, кого Роджер Скрутон называет «дураками, мошенниками и поджигателями» [6]: некий интеллектуал, опираясь на теории, подкрепленные только теориями, объявляет всех тех, кто не хочет идти на баррикады без конкретных конструктивных целей, потребителями, марионетками, зомби и т. п., а затем, не давая каких-то определенных рецептов по переустройству экономики, призывает к восстанию против всепроникающего зла.

Ничего более детального на страницах «Магического марксизма» мы не найдем. Сначала, по мнению Мерифилда, нужно сбежать из «общества

спектакля» в ту реальность, где не действуют его законы, начать жить по-новому, создавая мелкие коммуны, где будут рождаться новые общественные отношения. Главное — с помощью «магии», т. е. с помощью «магического» воображения, в общем порыве творить «нереальную» реальность, выходить за пределы возможного. Здесь, правда, возникает вопрос: а чем сбивающий с толку концепт марксистской «магии» отличается от *мечты*? Мерифилд описывает скорее мечтателей-энтузиастов, нежели шаманов и прочих магов: «такие люди мотивированы, ими движет мечта, мечта вернуться к земле, жить землей, выращивать органические фрукты и овощи без этикеток, печь хлеб, разводить коз или делать шнурки, возводить дома и строить новую жизнь. И, осуществляя мечты, эти люди на своем пути встречают единомышленников, которые так же, как и они, нашли применение своим силам; у них оказываются общие ценности и часто общий враг, они вместе разрабатывают новую радикальную политику, дают жизнь новым общественным движениям, основанным на активном посыле снизу. Эти люди столько же руководствуются инстинктом, сколько разумом...» [3. С. 80]. Затем они займутся «перманентной субверсией» капитализма («субверсией реальности»). Этот «подрыв», правда, вряд ли понравится всем. Вместо того чтобы предлагать что-то конкретное взамен системы, которая худо-бедно улучшает жизнь всем, хоть и не в равной степени, Мерифилд сводит борьбу с *капиталистической* системой к борьбе против всякой *системности*. В этом его анархизм.

Разнообразие «магической» фантазии автора книги не выходит далеко за пределы предполагаемого будущего, в котором люди беззаботно живут в уютных коммунах и «утром охотятся, после полудня ловят рыбу, вечером занимаются скотоводством, после ужина предаются критике» и т. п. (Хотелось бы увидеть, как человек так же легко и непринужденно утром делает операцию на сердце, после полудня управляет пассажирским самолетом, вечером занимается анализом данных, полученных с Большого адронного коллайдера, а после ужина предаётся рассуждениям о квантовой теории поля.) Это видно по тому, что он говорит о «подрыве реальности»: «для начала важно обладать силой на местном уровне, чтобы двигаться дальше и, подобно червю в яблоке, постепенно прогрызаться наружу, во внешний мир, блокировать движение, сражаться на улицах, саботировать и вредительствовать, организовывать и парализовывать, не идя на попятную» [3. С. 112]. В общем, нечто вроде бессмысленного и беспощадного бунта.

Мерифилд без зазрения совести соглашается с тем, что выводить из строя скоростные железнодорожные пути или линии электропередач — это один из возможных способов бороться за лучшее будущее [3. С. 110]. Разум, напомним, должен отойти на второй план, уступить место некоей *mística*, которая представляет собой «абстрактную эмоциональную стихию, струящуюся в возмущенных людях, индивидах и коллективах как чувство

увеличения своих сил, любви и солидарности, которые служат мобилизующим фактором, вдохновляя людей на самопожертвование, скромность и мужество» [3. С. 123], ведь «восстание резонирует, издает “этническую музыку”, придает более конкретное звучание концепции Маркса о “мировой литературе” из “Коммунистического манифеста”» [3. С. 122].

Каково будущее этой «субверсии», вдохновленной латиноамериканской литературой, восстанием сапатистов и Ги Дебором?

Мерифилд ограничивается туманными рассуждениями. Во-первых, коммуны будут постепенно объединяться в сети общин (так называемый сетевой «Пятый Интернационал»), чтобы совместно координировать хозяйство и проч. Во-вторых, необходимый труд уйдет в прошлое. Будущее не за трудом, а за свободной *деятельностью*: ведь в «магическом» («сказочном»?) мире Мерифилда работа всегда и везде «допускает самораскрытие — так, как это происходит при занятиях хобби или в сфере искусства» [3. С. 153]. Человечество спасут кустарные работники и хакеры, «взламывающие» систему и раздающие всем бесплатное программное обеспечение [3. С. 154]. В-третьих, государство будет уничтожено (вернее, «подорвано», но больше в символическом смысле, т. е. будет как бы «покинуто», ибо революция сделает его ненужным), — ведь ему нельзя даже доверять выплату безусловного базового дохода.

Вторая половина книги представляет собой попытку «околдовать» читателя, продемонстрировать чудодейственную, вдохновляющую силу марксисткой «магии». Мерифилд подобен пастору, который желает убедить прихожан в «реальности» религиозного марксистского чуда. «Можем, — пишет он, — поверить в марксизм, намечающий контуры новой, сновидной реальности, материалистической фантазии, фантастического материализма, можем поверить в марксизм, разочарованный в настоящем, но испытывающий самую сильную ностальгию по мечтам о будущем. Теперь, пожалуй, мы можем поверить в марксизм, ратующий за более свободно парящее эйфорическое политическое видение, за более фантазмагорический радикализм. Теперь мы можем поверить в марксизм, открывающий горизонты утверждения и вырывающийся за пределы сурового реализма критической негативности» [3. С. 272].

Но способна ли «магия» Мерифилда очаровать современного читателя?

Между Марксом и Маркесом

Трудно найти главу в анализируемой книге, к которой бы не возникало принципиальных вопросов. Можно долго перечислять уязвимые, устаревшие или попросту не подкрепленные научными данными утверждения Мерифилда.

К примеру, видно, что автор, работая над книгой в нулевые годы, был вдохновлен движением антиглобалистов и событиями вроде «битвы в Сизтле» в 1999 г. Но автономистская идея «Пятого Интернационала»,

изложенная Мерифилдом, уже продемонстрировала свою несостоятельность к моменту выхода книги на английском языке (что уж говорить про 2021 г. и русское издание). Ни одно «сетевое» движение без явных лидеров и четких целей не смогло что-то противопоставить хотя бы неолиберализму (и вряд ли сможет, т. к. это абсурдно).

Анархистская утопия Мерифилда, изложенная предельно общими словами и опирающаяся на идею посттрудового общества, также не выдерживает критики [2], особенно сегодня, когда пандемия COVID-19 разрушила все иллюзии левых интеллектуалов, придерживавшихся лозунга «Никогда не работайте!» [3. С. 114]. Это был бы довольно странный лозунг для врачей и медсестер, дисциплинированно спасающих жизни многих тысяч людей. (Смог бы находящийся в здравом уме человек доверить свою жизнь врачу, для которого медицина является хобби?)

Многие тезисы Мерифилда являются чистой риторикой. По его утверждению, например, современным миром «правят насилие и бессмыслица, и они должны быть уничтожены, сметены, взорваны» [3. С. 140]. Но популярные защитники разума, науки, гуманизма и прогресса вроде Стивена Пинкера [5] с удовольствием с этим поспорили бы, причем с помощью конкретных данных, а не лозунгов.

Радикальный антиэтатизм также сегодня выглядит неуместным в эпоху опасностей, требующих иерархичности, а подчас и жесткой дисциплины. Китай с его «жестким» государством смог оперативно справиться с COVID-19, чего не скажешь о «демократических» странах, склонных в сложные времена идти на поводу у «сильных» и «независимых» личностей, быстро превращающихся в дезинтегрирующих общество смутьянов и мракобесов. И COVID-19 — это далеко не самая опасная инфекция из тех, что могут в любой момент проявить себя. Сюда можно добавить и другие глобальные вызовы: от глобального потепления и сохраняющейся вероятности ядерной катастрофы до техногенных вмешательств в природу человека.

Книга Мерифилда даже не нуждается в какой-то развернутой «внешней» критике. Она сам себя разоблачает. Так, красной нитью через нее проходят отсылки к роману Габриэля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества». Для Мерифилда вымышленный Маркесом город Макондо является образчиком «магического реализма», трансформирующегося в «магический марксизм». Действительно, чем еще по сюжету был Макондо, как не автономной коммуной, противостоящей правительству²? Полковник Аурелио Буэндиа,

² «Макондо — это, конечно, неплохая модель новой организации жизни, пространства, в котором люди могут реализовать новый тип субъективности, действовать и жить в относительной гармонии. Оно замысливалось как утопический город с почти полным отсутствием репрессивных конвенций и моральных правил, как город, который освободился от опосредующих образов. Это общество без опосредующего аппарата — без институций, и их агентов, создающих субъектов из тех, кто родился в городе. Одна из наиболее интересных особенностей города — почти полное отсутствие денежной экономики, денег как меры стоимости. Не подлежит сомнению, что бурное развитие города было обязано новаторскому духу его жителей, а не хищническому желанию накапливать богатства и капитал» [3. С. 201—202].

один из главных героев романа, также является для Мерифилда образцом «магической» одержимости в борьбе за светлое будущее: «полковник Аурелиано Буэндиа, интроверт, испытывающий потребность в прямых силовых действиях, — ролевая модель радикала XXI в., персонаж, который может помочь нам в борьбе с ускользающей реальностью, с ее колонизацией, поскольку полковник — это тот, кто изобрел другую реальность, исходя из своего стремления к субверсии. Теория — не его конек, он выступает пионером, прокладывает новую тропу для политической практики более наступательного типа» [3. С. 74].

В этом есть некоторая ирония; но, согласно общепринятой трактовке, Маркес описывал Макондо как оплот отчуждения, где герои думают только о себе, всецело подчиняются своим страстям. Для Маркеса анархическая «магия» — это «магия» отчуждения и одиночества. В романе среди огромного количества действующих лиц положительный герой только один — Урсула Игуаран, которая пыталась спланировать семейство Буэндиа своей безграничной добротой. В романе Маркеса все одиноки, и никого не ждет счастливый конец жизни. И сам Макондо — город-одиночка, обреченный на разрушение и забвение.

Что касается Аурелиано Буэндиа, то его судьба — воплощение абсурда: он поднял 32 вооруженных восстания и все их проиграл, а в старости занимался бессмысленным изготовлением золотых рыбок (переплавляя их время от времени и делая заново) и умер, мочась у дерева, под которым его отец Хосе Аркадио Буэндиа сидел в течение многих лет, привязанный к скамейке.

Однако Мерифилд находит увлечение изготовлением золотых рыбок положительным, — ведь это и есть то самое спасительное *хобби*, которое должно прийти на смену труду. Неважно, что оно абсурдное и абсолютно бесполезное; главное, что это способ самореализации, причем «независимый» от двух главных «зол» — рынка и государства.

Мерифилд оказывается не в состоянии воспринять иронию Маркеса, что в итоге приводит к необычной интерпретации героя: «полковник продолжал делать золотых рыбок, по две в день, а когда их число доходило до двадцати пяти, расплавлял и начинал работу заново, трудясь день за днем, полностью погружившись в себя, не думая ни о чем и ни о ком, не думая даже о себе. В конце концов полковник захотел расплавить всех до единой оставшихся у него рыбок, так страстно не желал он допустить их овеществления, их превращения в символ мифа и политического разочарования. Став реликвиями, мертвыми вещами, за которыми охотятся алчные коллекционеры, они потеряли свою цельность в качестве произведения рук человеческих, предмета, который продолжает жить, символа живого, конкретного труда — создания труда, а не продукта бизнеса» [3. С. 243]. Однако это можно прочесть совсем по-другому: такая абсурдная попытка уйти от «овеществления» путем заикленности исключительно

на «вещественности» труда — это одна из форм сводящего с ума эгоизма, который в итоге не приводит ни к чему хорошему, ибо «овеществление» в данном случае попросту неизбежно (материальный предмет распадается, отчуждается, становится не тем, чем хотелось бы, и т. д.).

Иными словами, Мерифилд, делая наброски к своей утопии, опирается на очевидную антиутопию. Анархический идеал, видимо, заключается в том, чтобы и без того разобщенное человечество распалось на маленькие Макондо со своими фанатичными лидерами вроде Аурелиано Буэндиа, готовыми разрушать имеющийся порядок, преследуя нечетко сформулированные цели. Остается только предполагать, как эти общины будут договариваться об общем мирном будущем.

В конце концов автор рассматриваемой книги лишает марксизм научного, «материалистического» взгляда на общественное развитие (не оставляя от марксизма и пустого места). Возможен ли вообще какой-то общественный консенсус по поводу «магического»?

Нужно учесть, что Мерифилд «подчищает» и теорию классовой борьбы, обращаясь к идее *множества* Антонио Негри и Майкла Хардта [8]. Как считает Мерифилд, «отдельным группам при рабочем самоуправлении для того, чтобы свободно объединиться, не нужна общая социальная база и однородные классовые интересы. Зачастую все, что можно сказать об их этике, — это то, что она антикапиталистическая и антикорпоративная» [3. С. 160]. Иными словами, единство в отрицании. Но здесь есть серьезное противоречие с другим тезисом Мерифилда, согласно которому главная проблема современного марксизма заключается именно в отрицании, в «негативности» [3. С. 173]. Выходит, «негативность» привычного марксизма — это плохо, и нужно отдать предпочтение «теплому» марксизму, выстраивающему «позитивные» утопии, но социальной базой «субверсии» будут как раз те, кто порождены этой негативностью.

Согласно Мерифилду, новый романтизм «уже утверждается с помощью разнородных, доведенных до отчаяния элементов общества: молодежи, политических бунтарей, изгнанников, интеллектуалов, безработных и (или) уволенных работников, антикарьеристов, деклассированных девиантов, полупомешанных дебоширов, неудачников, признанных и непризнанных гениев, денди и, возможно, даже некоторых снобов» [3. С. 140]. Перечисленный список социальных групп вызывает ассоциации с субверсией и ресентиментом. Однако тезис Мерифилда о том, что этот конгломерат «недовольных» может породить что-то действительно позитивное, является как минимум сомнительным.

* * *

Итак, вносит ли книга Энди Мерифилда какой-либо вклад в современный марксизм? Нет, поскольку эта книга вообще не о марксизме. Да и в це-

лом для левой политической мысли предложения, изложенные в ней, мало чем полезны. Конечно, в книге можно найти и зерна истины. В конце концов, сама идея того, что левым не хватает *большой утопии*, надежды и уверенности в своих силах, не лишена оснований. Однако вряд ли это свидетельство нехватки «магии».

Скорее, наоборот: в левой литературе сегодня *избыток* «магии» — избыток абстракций и ненаучных спекуляций, идеологии. Думается, «магии» необходимо быть не главным средством борьбы, вытесняющим «сухую» рациональность, а преимущественно *живой надеждой*, которая зиждется на *твердых научных и технических основаниях*.

Если ставить цель сформировать притягательный образ посткапиталистического будущего, то начинать стоит не с общих слов о «субверсии», а с поиска ответов на конкретные вопросы. Как могло бы в будущем посткапиталистическом обществе производиться все: от гвоздей и досок до аппаратов ИВЛ, космических кораблей и огромных научных установок? Кто должен сертифицировать «товары» (готовую продукцию, предметы потребления и т. п.) и проверять их на безопасность? Как выстроить такую систему хозяйствования, где производство и обмен осуществлялись бы эффективнее, чем в привычной рыночной экономике? Нужна ли нам плановая экономика, или это отжившая свой век идея? Что должно прийти ей на смену? Возможна ли *неплановая некапиталистическая* экономика? Могут ли здесь быть задействованы технологические платформы, как на это недавно намекал Ник Срничек [7]? Какая роль в революционном процессе должна отводиться демократии? Осуществима ли прямая демократия с помощью новых технологий шифрования данных? Каковы были бы желательные пределы демократии (или их не должно быть вовсе)?

Подобные вопросы можно перечислять долго. Проблема в том, что это в основном технические вопросы, и познаний одного философа для их решения явно недостаточно. Мы видим очень много возможностей (от блокчейна до технологий искусственного интеллекта), но очень мало компетентных людей с левыми убеждениями, способных (или желающих) эти возможности использовать (для начала — осмыслить).

Левое движение сегодня нуждается отнюдь не в «магии», а в научной рациональности, ведь речь идет о задачах, требующих высоких компетенций, причем преимущественно в сфере высоких технологий.

Настоящая левая утопия (не как нереализуемая мечта, а как живой образ вполне осуществимого будущего) сможет появиться только тогда, когда будет решена сложнейшая задача по интеграции знаний из разных областей науки (от экономики и философии до IT) в единую картину. Пока же мы имеем в основном общие рассуждения тех, кто больше способен на «субверсию», нежели на изменение мира к лучшему.

Литература

1. **Давыдов Д. А.** Анархо-локализм и кризис левой политической мысли // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз : Журнал политической философии и социологии политики. 2019. № 2(93).
2. **Давыдов Д. А.** Посттрудовая (анти-)утопия? Критический взгляд на концепцию посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса // Свободная Мысль. 2020. № 2.
3. **Мерифилд Э.** Магический марксизм : Субверсивная политика и воображение. М. : Ад Маргинем Пресс, 2021.
4. **Мюррей Д.** Безумие толпы : Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем. М. : Рипол Классик, 2021.
5. **Пинкер С.** Просвещение продолжается : В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М. : Альпина нон-фикшн, 2021.
6. **Скрутон Р.** Дураки, мошенники и поджигатели : Мыслители новых левых. М. : ИД ВШЭ, 2021.
7. **Срничек Н.** Капитализм платформ. М. : ИД ВШЭ, 2020.
8. **Хардт М., Негри А.** Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.
9. **Hawley J.** The Tyranny of Big Tech. Wash. (DC) : Regnery Publishing, 2021.
10. **Rectenwald M.** Google Archipelago: The Digital Gulag and the Simulation of Freedom. Nashville (TN) : New English Review Press, 2019.
11. **Scarry E.** Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People. N. Y. : Bombardier Books, 2020.
12. **Williams J. C.** White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America. Brighton (MA) : Harvard Business Review Press, 2017. ◆